

Н. А. КАЗАРОВА

Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.)

Статейные списки — своеобразный памятник русской письменности XV—XVII вв. Представляя собою отчеты русских послов о выполнении порученных им миссий, статейные списки носили официальный характер. Но помимо изложения дипломатических переговоров, которые вели послы при иностранных дворах, они включали описание пути, а также запись впечатлений о виденном за рубежом. Таким образом, статейные списки сочетали черты деловой дипломатической документации и памятников литературы путешествий. Последнее побудило исследователей рассматривать статейные списки (во всяком случае те из них, которые включали значительный описательный элемент) не только как источники по внешней политике России, но и как особый литературный жанр, жанр «посольских повестей».¹

Как все памятники литературы путешествий, статейные списки имели большее познавательное значение, являясь источником сведений о зарубежных странах. Под этим углом зрения в настоящей статье рассматриваются статейные списки русских послов в Италию середины XVII в.

* * *

Дипломатические сношения Русского государства с Италией, носившие оживленный характер во второй половине XV—начале XVI в., прервались в конце XVI в. и не возобновились в течение всей первой половины XVII в. Правда, в начале XVII в. в Архангельске и Москве действовала итальянская торговая компания Луссио, представителям которой царь Борис Годунов по просьбе великого герцога Тосканского Фердинанда I Медичи даровал жалованную грамоту на торговлю в Русском государстве. Но деятельность Луссио в Русском государстве в 1606 г. прекратилась, не приведя к возобновлению дипломатических контактов.³

¹ Л и х а ч е в Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319—346.

² Статейные списки русских послов в Италию XVII в. уже являлись предметом внимания исследователей. Им посвящена статья А. Брикнера «Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии» (Русский вестник. 1877. Т. 128, 129). Но в работе А. Брикнера изучаются по существу лишь отдельные известия статейных списков (правда, за весь XVII в.), мы же, ограничив хронологические рамки своей работы серединой XVII в., попытались дать целостное представление о статейных списках русских послов в Италию этого времени как о памятниках литературы путешествий и особенно источнике сведений об Италии и (в меньшей степени) о некоторых других западных странах.

³ Ш а р к о в а И. С. Россия и Италия: Торговые отношения XV—первой четверти XVII в. Л., 1981. С. 48—53.

Причины длительного перерыва в истории русско-итальянских сношений были различны: относительный упадок Италии в XVII в., события Смутного времени в Русском государстве, тесная связь Рима с державами Габсбургского лагеря, противостоявшего во время Тридцатилетней войны блоку протестантских государств, к которому тяготела Россия.

Возобновление дипломатических контактов итальянских государств с Россией произошло в середине XVII в. Начало ему положила инициатива Венеции. В 1647 г. венецианский посол в Варшаве написал царю Алексею Михайловичу письмо, в котором, поздравив его с победой над турками и татарами,⁴ просил оказать помощь венецианцам в войне с Турцией.⁵ В 1655—1656 гг. в Москве побывал посол Венеции Альберто Вимина да Ченедра, обратившийся к царю с просьбой двинуть против султана донских казаков, а также разрешить венецианцам торговлю в Архангельске. Вторую просьбу царь удовлетворил, а на первую дал уклончивый ответ, сказав, что вопрос требует обдумывания и в Венецию будет отправлено специальное посольство.⁶

Обещанное посольство во главе с посланниками стольником и наместником Переяславским И. И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым выехало из Москвы летом 1656 г. Предполагалось, что из Архангельска в Венецию посланники отправятся на венецианских «икряных» судах. Но таковых в Архангельске не оказалось, и поэтому посланники отплыли на английских кораблях, направлявшихся в Ливорно, где они должны были пересесть на корабли, идущие в Венецию. Однако когда посольство прибыло в Ливорно, то выяснилось, что морское сообщение между Ливорно и Венецией прервано из-за действий турецких кораблей, и посланникам пришлось ехать в Венецию сухим путем.

Великий герцог Тосканский Фердинанд II Медичи (1621—1670), узнав о пребывании русских посланников в его владениях, просил их приехать к нему во Флоренцию. Там он обратился к ним с просьбой передать царю пожелание о разрешении подданным герцога торговли в Архангельске и других русских городах и о предоставлении им права покупки «икряных товаров».⁷ Герцог, очевидно слышавший о выгодах торговли с Россией и об ее «икряных» богатствах, решил использовать предоставившийся случай для завязывания дипломатических контактов с Русским государством и получения доступа на его рынки.

В Венеции во время приемов у дожа Бертуччо Вальера («князя Валерия Бертучция») посланники говорили, что присланы в ответ на посольство А. Вимины и что просьбу правительства Венеции разрешить его подданным торговлю в Архангельске царь удовлетворил. Вторую же просьбу — о помощи против турок царь удовлетворить не может, так как ведет войну с Польшей, но как только положение изменится, он ее окажет.⁸ Таким образом, в отношении главного пожелания Венеции царь ограничился лишь туманным обещанием. Но и русскому посольству не удалось достигнуть поставленной перед ним цели — получения от Венеции финансовой помощи: когда посланники, указав на стесненные обстоятельства, в которых находился царь из-за войны с Польшей и Швецией, просили прислать «на вспоможение ратным людям в займы казны, золотых и ефимков сколько мочно», то получили отрицательный ответ, мотиви-

⁴ Имеется в виду, очевидно, поход 1646 г. под Азов, во время которого русские войска совместно с донскими казаками нанесли татарам ряд поражений.

⁵ Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 2. Германия и Италия. М., 1896. С. 207; Ш а р к о в а И. С. Посольство И. И. Чемоданова в Венецию и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 207—208.

⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее: ПДСДР). СПб., 1871. Т. 10. Стб. 903—905.

⁷ Там же. Стб. 985, 993.

⁸ Там же. Стб. 1040—1041, 1047—1053.

вированный скудостью средств венецианского правительства: «се есть бедность нашу». Но, отклонив главное пожелание царя, правительство Венеции разрешило его подданным торговлю в пределах Венецианской республики на тех же условиях, что и купцам других государств.⁹

От посольства Чемоданова и Посникова сохранились два документа: 1) статейный список, 2) «Роспись», полный текст названия которой гласит: «Роспись в которых месяцах и числах, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества посланники, стольник Иван Иванович Чемоданов да дьяк Алексей Посников, на его государеву службу в Виницею от Архангелского города на кораблях пошли и морем шли, и к которому городу к карабельной пристани пришли, и какими месты от города до города шли, и что в котором государстве городов и всякого строения видели».¹⁰ Название хорошо отражает назначение и содержание памятника: это — дорожник, зафиксировавший путь послов и их впечатления (поэтому мы будем называть памятник сокращенно «Росписью дороге», тем более что такое название встречается в источниках уже в конце XVI в.¹¹).

Статейные списки также включали описание маршрута послов и их путевые впечатления, но там они были лишь составными частями памятника, в «Росписи» же исчерпывали его содержание. В силу этого текст «Росписи дороге» Чемоданова и Посникова значительно меньше текста их статейного списка. Сопоставление текстов обоих памятников показывает, что некоторые их отрывки совпадали дословно, но это не дает основания считать «Роспись» извлечением из статейного списка: в ней имеются дополнительные, в статейном списке отсутствующие сведения, характер которых не позволяет думать, что они были добавлены по памяти к извлечению из статейного списка, сделанному после окончания путешествия. Скорее всего статейный список и «Роспись» велись параллельно во время поездки посольства; при этом статейный список представлял собой официальный документ — отчет посланников правительству, «Роспись» же имела полуофициальный или даже неофициальный характер и, вероятно, предназначалась для Посольского приказа в качестве справочного материала.

«Роспись» Чемоданова и Посникова имеет предшественницу в виде «Росписи дороге» (таково название памятника), составленной И. Шевригиным, совершившим путешествие в Рим в 1580—1581 гг. в качестве гонца к папе Григорию XIII.¹² Но «Роспись дороге» Шевригина содержит почти исключительно перечень населенных пунктов и указания расстояний между ними. По содержанию она суше и беднее, нежели «Роспись» Чемоданова и Посникова, которая включает, как мы попытаемся показать далее, яркие описания виденного. Отметим также, что «Роспись» Шевригина входит в состав его статейного списка, «Роспись» же Чемоданова и Посникова оформлена как самостоятельный памятник. Все это дает основание рассматривать последнюю как более высокую ступень развития того типа документации, к которому относится и «Роспись дороге» Шевригина. По-видимому, этот тип документации широкого распространения не получил: в материалах сношений Русского государства с Империей, Голландией, Англией, Францией, Италией, Испанией по 60-е гг. XVII в. документы типа «Росписи» встречаются очень редко.

Анализируя материалы посольства Чемоданова и Посникова в Венецию как источник сведений о Западной Европе, мы будем использовать оба памятника — и статейный список и «Роспись дороге».

⁹ Там же. Стб. 1060—1064, 1072—1073.

¹⁰ Там же. Стб. 1131—1132.

¹¹ Там же. Стб. 30; см. также ниже.

¹² Там же. Стб. 30—35.

Члены посольства Чемоданова и Посникова были первыми русскими людьми, проделавшими весь путь в Италию по морю вокруг Европы. 12 сентября 1656 г. корабли с посольством отплыли от Архангельска и, пройдя мыс «Северный нос» (Нордкап), шли мимо земли датского короля, оставив справа «остров Ислант, и Ледяной он же» (дан правильный перевод названия Исландии), затем мимо Гамбургской и Бременской земель, Шотландии и Голландии, владений английского короля и, наконец, Французской земли, «что сошлась с Испанскою землею»; «все те государства обошли влеве» — указывается в статейном списке и «Росписи».¹³

10 ноября путешественники «приехали к гирлу, к ускому месту, с большого моря (Атлантического океана. — *Н. К.*), влево к морям, что в Винищее и в иные государства. По левую сторону того уского места Шпанская земля, а по праву Турская; поперег в уском месте, меж высоких гор, с десять верст или мало болши, а у того уского места в длину верст с дватцать и болши». Так русские посланники описали Гибралтарский пролив. Перед его описанием в «Росписи» помещено краткое упоминание античной легенды о Геркулесовых столбах, которую кто-то рассказал, по-видимому, посланникам: «И блиско того города (имеется в виду испанский город Кадис. — *Н. К.*) стоит столп каменной, велик, а сказывают про него, что тот столп поставил богатырь Гергулес, а пишет об нем в Трое».¹⁴ За описанием Гибралтарского пролива в «Росписи» следует рассказ о системе оповещения о турецких кораблях, применявшейся на испанском и французском побережье Средиземного моря: от Кадиса до «городов флоренского князя» (великого герцога Тосканского) были воздвигнуты между городами на расстоянии пяти верст каменные столбы, на которых при появлении турецких кораблей зажигались «огни великие».¹⁵

Статейный список живо передает трудности длительного морского плавания: бури, налетавшие на корабли, атмосферу тревоги, сопровождавшую путешествием из-за пиратских действий турок, — корабли были вооружены пушками и уже в «Шпанском море» (часть Атлантического океана, омывающая Испанию) их экипаж был приведен в боевую готовность.¹⁶

В рассказе о прибытии кораблей в Ливорно, читающемся в статейном списке, очень любопытно описание мер, принятых в ливорнском порту для предупреждения заноса приезжими моряками инфекционных заболеваний. Когда корабли остановились в море за две версты от города, приехали «корабельного приему капитан» с товарищами и спрашивали, из какого государства и с какими товарами пришли, и «не были ль где иных государств в моровых городех», и нет ли на кораблях больных людей, и есть ли «поздравленные грамоты, что приехали не из моровых мест». Корабельщики ответили, что шли они из Архангельска в Ливорно, никуда не заходя, а «грамотки поздравленные» у них есть из Архангельска от торговых людей к торговым людям в Ливорно. «Корабельного приему капитан» записал речи корабельщиков, взял у них «поздравленные грамотки» и осмотрел людей на кораблях. После этого на корабль приехали «дохтуры», произведшие индивидуальный осмотр прибывших («осмотря всех на лицо порознь»)¹⁷.

И только по окончании всех медицинских мероприятий из города на корабли для встречи посланников русского царя прибыли «воевода Аптониус (губернатор Ливорно Антонио Серристри. — *Н. К.*), а с ним

¹³ Там же. Стб. 938—944, 1151—1152.

¹⁴ Там же. Стб. 1153. — Троя — сокращенное название русского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна, одним из персонажей которой был Геркулес.

¹⁵ Там же. Стб. 940—943.

¹⁶ Там же. Стб. 938—944.

¹⁷ Там же. Стб. 944—945, 948.

начальных людей, кавалеров и бурмистров градских, и духовного чину римских попов, и студентов, и гостей, и всяких чиновных людей тридцать человек» (посланники выделили среди встречающих представителей различных прослоек населения Ливорно). Укажем также, что в описании переезда русского посольства на берег и его проезда по улицам на отведенный для него двор отмечены оживленные международные связи ливорнского порта («А кораблей и катарг из разных государств у пристанища стояло под городом и в городе с пятьдесят и болши») и — как следствие их — разнорациональный состав населения города («А как посланники от пристани ехали до посольского двора городом, и в то время немецкие¹⁸ торговые и всяких чинов люди, и греченя,¹⁹ и кизылбашеня,²⁰ и турчане,²¹ и иных розных многих государств многие люди вышли и стояли по обе стороны до посольского двора, по всему граду и по стенам»²²).

В разделе статейного списка, посвященном пребыванию в Ливорно русского посольства, освещается главным образом официальная сторона: прием, оказанный посольству местными властями, устраивавшиеся для него торжественные трапезы, посещение посланников секретарем великого герцога Тосканского и т. д. В «Росписи» же содержится описание самого города и его достопримечательностей, с которыми посланники ознакомились во время прогулки в карете: город обнесен тянущимися до моря каменными стенами с подъемными мостами, перекинутыми через заполненные водой рвы, каменной стеной с бойницами обнесена и гавань, где стояли корабли разных государств.

Посланники обратили внимание на скульптурную группу, находящуюся у пристани напротив городских ворот: «. . . поставлен каменной столп четвероуголен, в белом камени, а на том столпе сделан из белого ж камени князь Флоренской с палашем, а подле его, в ногах у него, лежит садак; да у того ж столпа прикованы по углам за руки турецких четыре человека разбойников великих, сажени по две, вылиты из медей зеленой». Сопровождавшие посланников «торговые люди» пояснили, что скульптура представляет собой памятник «князю», одержавшему над турками большую победу на море.²³ Несомненно, что речь идет о памятнике великому герцогу Тосканскому Фердинанду I Медичи, в правление которого (1587—1609) тосканский флот одержал значительную победу над турецким флотом. Памятник, известный под названием «Четыре мавра» (*I quattro mori*), включает возвышающуюся на постаменте статую из белого мрамора Фердинанда I, работы Джиованни Бандини дель Опера (1595), и четыре отлитые из бронзы фигуры турок, прикованных цепями к постаменту, работы Пьетро Такка (1623—1624). Как мы видим, русские дипломаты очень точно описали скульптурную группу, являющуюся одной из достопримечательностей Ливорно.²⁴

В связи с осмотром городских укреплений посланники заинтересовались, «сколь давно зачался город Леворна?», на что получили от сопровождавших их лиц ответ: «. . . как де сделан город Леворна, тому лет с полтретятцать (т. е. 25 лет. — *Н. К.*), а прежде того в том месте была деревня».²⁵ Запись русских посланников передает правильные сведения о Ливорно в том смысле, что Ливорно в середине века долгое время был незначительным населенным пунктом и развитие его началось только с переходом под власть Великого герцогства Тосканского, когда стара-

¹⁸ Этноним «немцы» или «немецкие люди» означает в данном контексте жителей Западной Европы, в том числе и итальянцев.

¹⁹ «Греченя» — греки.

²⁰ «Кизылбашеня» — иранцы.

²¹ «Турчане» — турки.

²² ПДСДР. Т. 10. Стб. 948, 956—957.

²³ Там же. Стб. 1156.

²⁴ Материал, из которого были изготовлены статуи турок, назван в статейном списке «медью зеленой», очевидно, из-за окислов, покрывших бронзу.

²⁵ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1156.

ниями Медичи он был превращен в крупный портовый город.²⁶ Продолжая осмотр Ливорно, посланники посетили монастырь, находящийся в большом саду, где произрастали диковинные для русского человека лимонные деревья, финиковые, виноград и имелись садки с рыбами. Заканчивая перечень достопримечательностей Ливорно, посланники записали: «. . . видели в Ливорне птицу, называют струц, велика, ноги что у коровы, а ест железо, и камень, и кости, в вышину человека с полтора, а перье на ней морховато, серо, что носят немцы на шляпах».²⁷ Здесь фантастические сведения о пище страусов перемежаются с соответствующим действительности описанием их внешнего вида и замечанием о том, что страусовыми перьями жители Западной Европы украшали свои шляпы.

20 декабря посланники отправили свой багаж из Ливорно во Флоренцию на судах по реке, а сами выехали в каретах 23 декабря, по дороге сделали остановку в Пизе. О ней в «Росписи» сообщается: «. . . город каменной велик», через него протекает река «Арна (Арно) с песком и камнями».²⁸

Интересно, что в Ливорно московские посланники четыре недели жили на дворе у «гостя Карлуса» «на его проторях», а в Пизе остановились у «Пизы города гостя» «Ждана Францускуса Семенделия» и также находились на его довольствии.²⁹ Думается, что такое гостеприимство купеческой верхушки Великого герцогства Тосканского было обусловлено его стремлением к установлению торговых контактов с Русским государством.

Во Флоренции, где посланники пробыли с 25 декабря 1656 г. по 1 января 1657 г., они встретили чрезвычайно любезный прием: при въезде во Флоренцию, у города, их ожидал брат великого герцога Леопольд («Лиаполдус»), для проживания им было отведено помещение «на дворе» у самого великого герцога Фердинанда II, который «со всеми своими сенаторами» встретил посланников «в воротах» и во время пребывания их во Флоренции не только принимал в своих апартаментах, но и посещал в отведенных посольству палатах, при отъезде провожал до карет, а за город провожал его сын Козьма. Фердинанд II также позаботился о получении для русского посольства разрешения папы на проезд через Болонью, путь в которую был закрыт по причине «морového поветрия».³⁰ Подчеркнутая любезность в отношении московских дипломатов объяснялась, вероятно, стремлением великого герцога получить для тосканских купцов разрешение на торговлю с Россией, о чем говорилось выше.³¹

Так же как это имело место с описанием пребывания московского посольства в Ливорно, в разделе статейного списка, повествующем о пребывании его во Флоренции, отражена преимущественно официальная сторона: переговоры, приемы и т. д. Из достопримечательностей Флоренции названа лишь одна, на которую при проезде посланников через город обратил их внимание брат великого герцога: «. . . костел во имя Благовещение пресвятые Богородицы старого здания, и в том де костеле был осмой собор»;³² здесь имеется в виду знаменитый собор Санта Мариа

²⁶ Александр Медичи (1523—1537) укрепил Ливорно, Козимо Медичи (1537—1574) установил в Ливорно порто-франко, Фердинанд I устроил в нем гавань. (Официально Ливорно был провозглашен городом в 1606 г.)

²⁷ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1155—1158.

²⁸ Там же. Стб. 1158.

²⁹ Там же. Стб. 971—973. — Вопрос о месте жительства посланников в Ливорно не совсем ясен. В десятом томе ПДСДР в указанных столбцах говорится, что посланники жили на дворе у гостя Карлуса, а ранее отмечается, что в Ливорно с кораблей они были отвезены на посольский двор и там жили.

³⁰ ПДСДР. Т. 10. Стб. 975—996.

³¹ Показательна форма, в которую великий герцог облек свою просьбу: за такую «его де государскую милость (разрешение на торговлю с Россией. — Н. К.) ни за что не стою, во всем де ему, великому государю, до окончания своего живота, и дети и братья мои ради послужить и спомогателством всяко чинить» (ПДСДР. Т. 10. Стб. 993).

³² ПДСДР. Т. 10. Стб. 996.

дель Фьоре, в котором в 1439 г. заседал восьмой собор и был подписан акт об унии католической и православной церквей.

Специальный рассказ о достопримечательностях Флоренции содержится в «Росписи дороге». В ней отмечены богатство и красота интерьеров отведенных посланникам помещений, стены которых были обиты затканными золотом тканями и коврами с изображениями библейских сцен — из «Бытия» и «Исхода». Особенно подробно описывается герцогская «казна» (очевидно, сокровищница великих герцогов) и «всякие мудрости», смотреть которые посланников водили по каменным переходам через реку Арно. Им показали палату, в которой «алмазноа дела мастера» делали мозаичный стол из дорогих разноцветных камней — яшмы, яхонтов и других и где стояли шкатулки с инкрустациями из драгоценных камней; другую палату, где в таких же шкатулках хранилась казна великого герцога; палату, в которой было собрано ценное оружие и сбруя «прехитрого мастерства» и где на конях были «устроены люди все в доспехах, и кони под теми людьми все в железных збруях, с древки и с мечами, а в шапках на голове у них устроено перье» (посланникам объяснили, что оружие и доспехи были присланы великим герцогам Тосканским из других государств в качестве подарков, а некоторые сделаны здесь же, во Флоренции). Особо посланники отметили показанный им магнит: «Да тут же висит на цепях камень магнит, и тот камень поднимает по штидесят гривенок железа, и при посланниках тем камнем железо поднимали».³³ На основе внесенного в «Роспись» рассказа русских посланников можно предположить, что из дворца Питти, обычного местожительства великих герцогов Тосканских (где были «испомещены» и русские посланники), их водили по крытым переходам через Арно в помещения, которые теперь называют галереей Уффици и в которых в то время находились, очевидно, сокровищница, художественные собрания и собрания редкостей Медичи.

После осмотра сокровищницы великих герцогов московских дипломатов повели в оружейную палату. По дороге их провели в верхние палаты, где были «сделаны два яблока превеликих добре, а на тех яблоках написаны государства все, и планиды, и беги небесные; а те яблоки переворачиваются на все стороны». Так московские дипломаты описали показанные им глобусы. В оружейной палате — арсенале, где хранились «збруи конные и пехотные» и «ружье многое конное и пехотное», посланники записали слова пристава (приставленного к ним чиновника великого герцога) о том, что «того де ружья и збруи у арцыкнязя нашего изготовлено на ратных людей на сто тысячч». В особой палате находилась осадная техника — «всякие снасти, и промысл подкопный, и пинарды». Здесь же над дверями висело чучело — «зверь мертв», которого пристав назвал крокодилом; посланники описали его и, чтобы сделать это описание понятным для своих будущих читателей, заметили: «. . .походит на ящерицу». В конюшнях герцога и его сына посланникам продемонстрировали лошадей, «выученных мудрым ученьем», умеющих кланяться, танцевать и т. д. В каретах посланники ездили «в сады гулять»; здесь они обратили внимание на пруды с каменными плотинами и статуи фонтанов.³⁴

1 января 1657 г. русское посольство выехало из Флоренции и через Болонью и Феррару, находившиеся в Папской области, достигло владений Венецианской республики — «Речи посполитой», как ее называли Чемоданов и Поспиков и другие русские дипломаты XVII в., передавая, таким образом, термин «республика». Посольство прибыло в Венецию 11 января. Переезд через Италию занял 10 дней.

В рассказе статейного списка о проезде посольства по Италии называются населенные пункты, указываются транспортные средства (от Флоренции до Болоньи посланники ехали в носилках, укрепленных

³³ Там же. Стб. 1158—1161.

³⁴ Там же. Стб. 1161—1162.

между ослиами, так как путь через горы для карет был недоступен; от Болоньи до Феррары и далее — на судах), описываются встречи, оказываемые папской администрацией и венецианскими властями русским посланникам.³⁵ В «Росписи дороге» внимание авторов сосредоточено на описании особенностей пути и городов, через которые проезжало посольство. Об отрезке пути от Флоренции до Болоньи сказано: «. . . а ехали каменными высокими горами и щелми» (ущельями); по поводу Болоньи замечено: «А тот город каменной, а сквозь город течет река копаная» (канал). Очень точно русские посланники описали находившийся на канале шлюз: «. . . а на той реке сделаны двои ворота на чепях железных, и суда пропускаят в те ворота, как накошится вода, и отворяют воротами». При описании Феррары отмечены две линии укреплений: «Да в Ферраре ж два города каменных, а те де города старого здания». О реке По, по которой посланники ехали от Феррары, записано: «А та де река идет из Цесарские земли (владений императора. — *Н. К.*), и во всей де Италии болши тое реки нет». Атмосферу постоянной военной опасности, грозившей Венеции со стороны моря от турок, передает описание укрепленного побережья между венецианским городом «Чозой» (т. е. Кьоджой) и самой Венецией: «И от города Чозы до Виницей стоят крепости и городки каменные многие частые, и валы землянные, и для караулу столпы каменные высокие, и корабли опасные многие виницейские и иных розных государств и земель наемные».³⁶

За Феррарой русских посланников встретил побывавший ранее в Москве в качестве посла Венеции Альберто Вимина, который курировал их во время всего пребывания посольства в венецианских владениях. Вимина сообщил при встрече о смерти прежнего дожа Франческо Молина («князя Франциска») и о том, что нынешний дож Бертуччо Вальер после него уже третий.³⁷ Путешествие от Феррары до Венеции в обществе Вимины посланники использовали для сбора сведений о ней. Они спрашивали, в частности, какие «владельцы начальные» сейчас в Венеции, каких государств послы и посланники в ней находятся, каким образом венецианцы торгуют с Турцией, если у них с нею сейчас война, и, наконец, «сколько тому лет, как Виницея зачалась». Вимина ответил, что «великих людей» в Венеции много и они выбирают «всею землею» сроком на пять-шесть месяцев; из послов и посланников в Венеции сейчас находятся: папы римского и короля французского и, кроме того, резиденты из разных стран, ежегодно меняющиеся; в Турцию венецианские торговые корабли ходят под знаменами английскими, голландскими и других государств, с которыми Турция в мире; «как де Виницея зачалась, тому тысяча двесте лет».³⁸ В вопросах московских дипломатов и ответах на них представителя Венеции нашли отражение разные аспекты жизни Венецианской республики: выборность высших государственных должностей,³⁹ международные связи, полуполюгальная торговля с Турцией; была дана с большой точностью справка о древности Венеции — первые поселения на месте Венеции возникли в V в. до н. э., т. е. действительно тысячу двести лет назад.

³⁵ Там же. Стб. 996—1016.

³⁶ Там же. Стб. 1162—1165. — Описание укрепленного побережья от «Чозы» до Венеции имеется и в статейном списке.

³⁷ После Франческо Молина и до вступления в должность Бертуччо Вальера (15 июня 1656 г.) у власти находились два дожа: Карло Контарини (27 марта 1655—1 мая 1656) и Франческо Корнаро (17 мая 1656—5 июня 1656) (см.: K r e t s c h n a u г Н. Geschichte von Venedig. Stuttgart, 1934. Bd 111. S. 322). Таким образом, Бертуччо Вальер по отношению к Франческо Молина действительно был третьим дожем.

³⁸ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1002—1013.

³⁹ Выборы на государственные должности в Венеции осуществлялись отнюдь не «всею землею», а олигархическим кругом знатных семейств, и срок пребывания на различных государственных должностях был различным, а не только пять-шесть месяцев, как это указано в статейном списке.

В Венеции И. Чемоданов и А. Посников пробыли с 11 января по 1 марта. По сравнению с приемом, оказанным русским посланникам во Флоренции, где сам великий герцог встречал их у ворот своего дворца, неоднократно навещал и при отъезде провожал до кареты, прием в Венеции со стороны высших властей республики был более сдержанным: с дожем посланники виделись только во время официальных аудиенций у него, из «сборной палаты» (очевидно, место заседания правительства Венеции) дож не выходил им навстречу; когда посланники с неудовольствием это отметили, им объяснили: «. . . у нас в обычаях того не повелось, встречи николи не бывает». Точно так же, когда посланники выразили протест против присылки ответного послания («листа») дожа царю к ним на посольский двор и сказали, что «лист» они должны получить из рук самого дожа, им разъяснили: «. . . у нас де так ведется, у князя и у владельцев наших из которых государств ни приезжают послы и посланники, ко всем присылают листы на посольской двор. . .».⁴⁰ Очевидно, в Венецианской республике строго соблюдались традиционные нормы дипломатического этикета, менять которые ради московских послов венецианские власти не желали.

Но если отвлечься от указанного различия в поведении по отношению к московским посланникам великого герцога Тосканского и венецианского дожа, то посланникам в Венеции был оказан почетный прием: когда они подъезжали к Венеции, навстречу им выехала целая флотилия из барок и гондол, с кораблей, стоявших в венецианской гавани, были даны пушечные залпы, отведенные посланникам палаты были обиты шелком и бархатом и т. д.

Пребывание русских дипломатов в Венеции вызвало интерес среди иностранных дипломатов: узнавать о здоровье посланников присылали резиденты мантуанский и французский, лично навестили их «цесаря Римского (императора Священной римской империи. — Н. К.) квалеры».⁴¹ Внимание к русским посланникам со стороны иностранных дипломатов свидетельствовало о престиже Русского государства.

В статейном списке Чемоданова и Посникова отражена и попытка римского папы вновь завязать контакты с Русским государством. Незадолго до отъезда посланников из Венеции там побывал гонец папы с извещением, что папа велел для них «пути. . . отпереть» через свои владения (напомним, что они были охвачены «морovým поветрием»), и с предложением заехать в Рим. Посланники отказались, мотивируя свой отказ отсутствием по этому вопросу царского указа.⁴²

Как известно, Венеция всегда тесно соприкасалась с греческим Востоком, а после завоевания Византии турками многие греки нашли приют в городе на лагунах и здесь возникла греческая община. Ее представители посетили русских посланников и пригласили их на богослужение в православную церковь «Николы Чюдотворца и Георгия Страстотерпца», где представители греческого духовенства обратились к посланникам с речью, в которой выражалась уверенность в скором освобождении греков царем из-под турецкого ига. Со своей стороны венецианские власти, учитывая, вероятно, православную принадлежность московских дипломатов, включили в программу их пребывания в Венеции осмотр «мощей святых и казны, которая взята в Царьграде»⁴³ (имеются в виду события четвертого крестового похода, в результате которого к Венеции отошла часть Константинополя и три восьмых Византийской империи). Так, в статейном списке Чемоданова и Посникова запечатлелись некоторые моменты из истории венецианско-византийских отношений, а также наличие в Византии греческой колонии и надежды греков на освобождение их родины московским царем.

⁴⁰ ПДСДР. Т. 10. Стб. 1037, 1083.

⁴¹ Там же. Стб. 1026, 1028—1029, 1058.

⁴² Там же. Стб. 1090—1091.

⁴³ Там же. Стб. 1053—1058, 1078—1080.

В рассказе «Росписи дороге» о Венеции прежде всего описывается ее внешний вид, который всегда поражал русских: «И Веницея стоит на той же морской губе, кругом ея и по всем улицам вода, ездят в мелких судах, но их называют гундулы; . . . а стен городовых в Веницеи ни башен нет». Отметили русские посланники и другую особенность облика Венеции — многочисленность ее мостов: «В Веницее ж сделан мост каменной великой, а на нем устроены лавки многие, крыты свинцом, и сидят в них со всякими товары (имеется в виду знаменитый Понте-Риальто. — *Н. К.*) . . . И под тот мост ходят невеликие корабли и болшие барки. А иных мелких мостов по улицам добре много, и под те мосты ездят в гундулах».⁴⁴

Любопытен включенный в «Роспись дороге» рассказ о присущем только Венеции и связанном с особенностями ее местоположения торжественном и красочном обряде венчания дожа с морем: «Да в Веницее ж видели барку превелику, сажень с дватцать и болши, внутри выписана вся золотом, и сделано среди барки, блиско кормы, княжое место, да в барке ж по обеим сторонам и среди ея сделаны мест с шездесят великим людем. И на той барке веницейской князь (дож. — *Н. К.*) с своими ближними людьми, по своему римскому календарю, на праздник Вознесения господня выезжает в море верст с двадцать, и море обручает, честь воздает, мечет князь ежегод перстень золот с алмазы и с иными дорогими каменьи».⁴⁵

Русские посланники внесли в «Роспись» сведения и о процветавшей в Венеции отрасли ремесла и одновременно прикладного искусства — знаменитом венецианском стекле, славившемся на всю Европу: «. . . за три мили от Венеции, — записали они, — стоят многие полаты каменные, а в них делают скляничное дело всякими мудрыми образы».⁴⁶

Выехав из Венеции 1 марта, посольство 25 апреля прибыло в Амстердам. Маршрут его пролегал через северную Италию и Германию, через города Тренто, Инсбрук, Аугсбург, Франкфурт на Майне, Майнц,⁴⁷ Линц, Кельн. В статейном списке и «Росписи» названы и более мелкие города и местечки, через которые проезжало посольство. В статейном списке обычно указывается принадлежность населенного пункта тому или иному князю, описываются встречи и переговоры с местными властями, в «Росписи» преобладает описание внешнего вида: характеризуются местоположение города (в горах, в «долу» — долине, «на ровном месте»), его размеры, материал построек, форма и мощь укреплений.

Обстоятельностью и разносторонностью выделяется описание Аугсбурга («Акшпурка»): «. . . город Акшпурк каменной великой, старого здания, стоит на ровном месте, а по углам и против ворот обведены валы земляные. Около всего города ров каменной, широк и глубок, а в нем вода. А сказывают, что поставление тот город Августа кесаря Римского. А для славы в городе на площади, на каменном столпу, вылито парсуна — Август кесарь медной седит на грифе, а у него в руках палица. И в том городе Акшпуре узорочных всяких товаров и всяких мастеровых людей, которые делают сосуды серебряные и золотные всякими мудрыми образцы и ружье всякое многое, и ходят из того города узорочные товары, и сосуды золотные и серебряные, и ружье всякое идет во все государства».⁴⁸ В этом описании отмечены древность города (Аугсбург вырос из основанной в 15 г. до н. э. римской колонии *Augusta vindelicorum*), находящаяся

⁴⁴ Там же. Стб. 1165.

⁴⁵ Там же. Стб. 1165—1166.

⁴⁶ Там же. Стб. 1166.

⁴⁷ В статейном списке Чемоданова и Посникова, так же как и в статейных списках других русских дипломатов, Майнц ошибочно называется «Мецем»; о том, что речь шла о Майнце, а не о Меце, свидетельствует следующее место из статейного списка Чемоданова и Посникова: «. . . от Франкфорка (Франкфурта на Майне. — *Н. К.*) поехали рекою Мейн вниз в судех и. . . приехали к городу Мец. . . ; а тот город каменной великой, стоит у реки Рены (Рейна. — *Н. К.*) против устья реки Мейн, а та река Мейн впала в реку Рену против того города Меца» (ПДСДР. Т. 10. Стб. 1171).

⁴⁸ Там же. Стб. 1169.

в нем статуя императора Августа с орлом (русские посланники назвали его грифом), мощь укреплений города и его значение как крупного ремесленного центра.

Из путевых впечатлений посланников по дороге в Амстердам, внесенных в «Роспись», отметим описание шлюзов на канале («речка копана»), соединяющем Рейн с Амстердамом: «. . . и устроены с приезде двои ворота, и теми воротами воду запирают и суды пропускают, а суды на той реке ходят бечевою лошадми».⁴⁹

Привлек внимание русских путешественников своеобразием своего облика Амстердам. В «Росписи» указывается, что из морской губы в улицы города впущены воды, через них «поделаны мосты каменные многие», а вдоль вод «посажено нарочно деревье великое, вязь и липа и иные»,⁵⁰ — так путешественники описали многочисленные каналы Амстердама, обсаженные деревьями.

В Амстердаме посланников приняли «с честью», так как, по словам принимавших их бургомистров Амстердама, «с его царским величеством стати наши (правительство Голландии. — *Н. К.*) и князь (великий пенсионарий Ян де Витт. — *Н. К.*) в совете и в дружбе».⁵¹

20 мая русское посольство на кораблях выехало из Голландии. 25 июня прибыло в Архангельск, 24 августа — в Ярославль. Известием о выезде из Ярославля 25 августа 1657 г. заканчивается статейный список Чемоданова и Посникова.

Наличие в материалах посольства Чемоданова и Посникова в Венецию в 1656—1657 гг. отдельной от статейного списка «Росписи дороге» делает эти материалы особенно ценным источником сведений о западно-европейских странах. Пожалуй, немного можно назвать русских посольств в Западную Европу, материалы которых содержали бы такое обилие впечатлений о городах, достопримечательностях, особенностях пути. Но вместе с тем в материалах посольства Чемоданова и Посникова не нашли никакого отражения международные отношения в Европе, хотя в документации других посольств они обязательно освещаются: статейные списки, как правило, включают разделы, рисующие внешнюю политику и международное положение государства, в которое было направлено русское посольство. В статейном списке Чемоданова и Посникова такого раздела нет. Объяснение этому мы постараемся дать далее.

Завязавшиеся по воле случая во время посольства Чемоданова и Посникова в Венецию контакты с великим герцогом Тосканским Фердинандом II русское правительство, стремившееся к расширению связей с европейскими государствами, решило использовать для установления дипломатических и торговых сношений с Великим герцогством Тосканским. С этой целью из Москвы во Флоренцию летом 1659 г. было направлено специальное посольство, возглавляемое наместником Боровским В. Б. Лихачевым и дьяком И. Фоминым.

От посольства Лихачева и Фомина, так же как и от посольства Чемоданова и Посникова, сохранилось два документа; оба они напечатаны под названием статейного списка: первый в четвертом томе ДРВ, второй — в десятом томе ПДСДР.⁵² На их неидентичность обратил внимание А. Брикнер, определивший первый документ как журнал путешествия посланников, а второй — как их статейный список.⁵³ А. Брикнер правильно

⁴⁹ Там же. Стб. 1173.

⁵⁰ Там же. Стб. 1174.

⁵¹ Там же. Стб. 1133.

⁵² ДРВ. 2-е изд. СПб., 1788. Ч. 4. С. 339—359; ПДСДР. Т. 10. Стб. 509—670.

⁵³ Брикнер А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. С. 18—19. — А. Чертков, еще до А. Брикнера сравнивший текст, изданный Н. И. Новиковым в ДРВ, с текстом тогда не опубликованного статейного списка Лихачева и Фомина, находившегося в Московском архиве Министерства иностранных дел, рассматривал первый текст как фамильный, семейный список, сохранившийся у наследников Лихачева

подметил официальный характер второго документа и неофициальный — первого: в нем полностью отсутствует отчет о выполнении посланниками порученной им дипломатической миссии, содержание сводится к сокращенному описанию путешествия посланников и виденных достопримечательностей (но вместе с тем в первом документе имеются эпизоды и детали, не читающиеся во втором). По своему типу рассматриваемый памятник аналогичен, с нашей точки зрения, «Росписи дороге» Чемоданова и Посникова. Поэтому мы предлагаем называть его также «Росписью дороге», а не журналом путешествия (такого термина в языке XVII в. не было), как это сделал А. Брикнер.

Официальное поручение, данное русским правительством Лихачеву и Фомину, статейный список рисует следующим образом: посланники должны были передать великому герцогу благодарность царя за прием и помощь, оказанные посольству Чемоданова и Посникова, известить, что царь разрешил тосканским купцам торговать в Архангельске с ушлатой таких же пошлин, какие платят другие иноземцы, а двух-трех человек из тосканских купцов пропускать для торговли в «иные города и к Москве»; «торговым людям, икряным промышленникам» тосканским, царь разрешил «икряной промысл» (очевидно, закушку икры) на пять лет и обещал продлить это разрешение еще на пять лет. Посланники должны были также передать великому герцогу пожелание царя разрешить «Московского государства торговым людям» свободную торговлю в Великом герцогстве Тосканском, а также покупку «для царского обихода» «узорочных товаров» без пошлин, «прямою ценою»; на таких же условиях царь обещал разрешить в своих владениях закушку товаров «для обихода» великого герцога. Когда посланники изложили во Флоренции цели своего посольства, великий герцог Фердинанд II выразил готовность удовлетворить все пожелания царя.⁵⁴

Отметим, что посольству Лихачева и Фомина в Тосканском герцогстве был оказан прием, быть может, еще более любезный, чем посольству Чемоданова и Посникова. Так, когда корабли с посольством прибыли в Ливорно, там уже находились посланцы великого герцога, которые сообщили, что Фердинанд II, узнавший из присланных из Амстердама «вестовых грамоток» о предстоящем приезде русских посланников, выехал им навстречу и уже четыре недели находится в Пизе в ожидании их. Во Флоренции Лихачев и Фомин были помещены, как и Чемоданов и Посников, «на дворе» у великого герцога, Фердинанд II и члены его семьи навещали посланников, а когда они уезжали, Фердинанд II провожал их до кареты, а его брат — за город. На прощальном обеде, который великий герцог дал в честь русских посланников, на столе стояли три двуглавых позолоченных орла с царскими венцами, а посредине орлов — изображение царской печати.⁵⁵ Так Фердинанд II высказал свой пиетет в отношении русского царя.

Не касающиеся официальной стороны посольства известия статейного списка и «Росписи дороге» Лихачева и Фомина содержат описания путешествия посланников во Флоренцию, пребывания в ней и обратного пути на родину.

Зафрахтованные посланниками в Архангельске английские корабли, идущие в Ливорно, 22 сентября 1659 г. вышли из Архангельска и в середине декабря достигли Гибралтара. Маршрут плавания вокруг Европы в статейном списке и «Росписи дороге» Лихачева и Фомина указан менее подробно, нежели в аналогичной документации посольства Чемоданова и Посникова. Возможно, это объясняется тем, что Лихачев и Фомин не

и Фомина (Чертков А. Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому // Русский исторический сборник. 1840. Т. 3, кн. 4. С. 324, примеч.).

⁵⁴ ПДСДР. Т. 10. Стб. 554—560, 576—582.

⁵⁵ Там же. Стб. 534, 547—591, 595—596, 610—615.

хотели повторять сведения статейного списка Чемоданова и Посникова, с которым они были знакомы: ссылка на последний имеется в «Росписи дороге» Лихачева и Фомина.⁵⁶ Об отрезке же пути по Средиземному морю и Италии Лихачев и Фомин сообщают в ряде случаев новые по сравнению с материалами посольства Чемоданова и Посникова сведения. Так, в статейном списке Лихачева и Фомина читаем: 26 декабря корабли с посольством «прошли город Малег, владенье испанского короля, а по сказке корабельщиков к тому же городу корабельная пристань бывает, для всяких питей, розных земель кораблей по сту и по двести» (имеется в виду город Малага, откуда экспортировалось вино такого же названия); 1 января 1660 г. прошли острова Ивиса («Иверс»), Мальорка («Маиорк»), Менорка («Маниорк»), принадлежащие испанскому королю; 4—5 января прошли острова Сардинию и Корсику, о которых, со слов «корабельщиков», посланники записали, что Сардинией владеет испанский король, а Корсика «стоит на Италийской земле», но владеет ею вольный испанский город «Джановей»; остров Сардиния в длину имеет пятьдесят пять миль, а в ширину — двадцать, остров Корсика — в длину сорок пять миль, а в ширину — двенадцать.⁵⁷ Приводимые сведения об островах западного Средиземноморья интересны уже потому, что они были первыми, принадлежащими русским людям. Московские посланники правильно отметили подвластность Испании Питиусских (о-в Ивиса) и Балеарских (Мальорка и Менорка) островов, а также Сардинии; они правильно подчеркнули и географическую принадлежность Корсики Италии; что касается известия о том, что Корсикой владеет вольный испанский город «Джановей», то оно не поддается интерпретации: в XVII в. на Корсике боролись за власть генуэзская, арагонская и национальная партии, и какой именно момент этой борьбы отражен в рассматриваемом известии, мы судить не беремся (однако название «Джановей» скорее всего должно быть понято как Генуя — Дженова по-итальянски). Не решаясь проверять достоверность приводимых русскими посланниками цифр, характеризующих размеры Сардинии и Корсики (так как неизвестно, какими милями пользовались посланники), укажем, что они верно отметили большую величину первого острова.

Ярко переданы в статейном списке все превратности морского путешествия: бури и штормы, нехватка питьевой воды, страх перед турецкими кораблями, уловки, к которым прибегали корабельщики, чтобы обмануть турок (поднимали белые, турецкие флаги).

Ливорно, куда посланники прибыли 5 января 1660 г., в статейном списке рисуется как оживленный порт: за две версты от города в море стояло восемь английских кораблей, а под городом у пристани — из разных государств сорок кораблей да двенадцать катарг. Дается такое же, как и в статейном списке Чемоданова и Посникова, описание мер, проводившихся в Ливорно в отношении экипажей вновь прибывающих кораблей с целью предупреждения заноса инфекционных болезней.⁵⁸ Сведения о самом городе дает «Роспись дороге»: «. . . градское строение зело стройно, — читаем в ней, — и людей изо всех государств всяких чинов и торговых много». Затем следуют известия о ливорнском водопроводе и маяке: жители города снабжаются ключевой водой, которая была подведена к статуям и изливалась из них для общего пользования; «вне города Ливорны, — сообщается далее, — сделаны две башни превысокия для бою; в одной горят фонари со свечами для корабельного прихода с моря».⁵⁹

Лихачев и Фомин, так же как и Чемоданов и Посников, обратили внимание на разнонациональный состав жителей Ливорно. Очевидно,

⁵⁶ ДРВ. Ч. 4. С. 343.

⁵⁷ ПДСДР. Т. 10. Стб. 528—531.

⁵⁸ Там же. Стб. 532—533. — В «Росписи дороге» указано несколько иное количество судов, находившихся в ливорнском порту (ДРВ. Ч. 4. С. 342).

⁵⁹ ДРВ. Ч. 4. С. 344—345.

разнонациональность населения Ливорно бросалась в глаза. Она объясняется не только и не столько международными связями ливорнского порта, сколько политикой Медичи, разрешавших селиться в Ливорно преследуемым в других государствах элементам населения — католикам из Англии, евреям и маврам из Испании, купцам из Марселя, искавшим спокойствия в бурный период гражданских войн во Франции.

Во Флоренции, где посланники пробыли с 13 января по 15 февраля, им показали «казну» (сокровищницу) великого герцога, и посланники внесли в статейный список описание находившихся в ней драгоценностей (менее обстоятельное, чем в статейном списке и особенно в «Росписи» Чемоданова и Посникова). Посетили они и пушечный двор, где стояли четыреста больших и малых пушек, а в больших каменных «амбарах» хранились латы, мушкеты и другое оружие; по словам пристава, лат было на тридцать тысяч человек. Совершили посланники прогулку по городу с целью осмотра городских укреплений, о чем имеется соответствующая запись в статейном списке.⁶⁰ Но основную часть раздела статейного списка Лихачева и Фомина, посвященную их пребыванию в столице государства, куда они были посланы, занимают, как это имеет место в большинстве статейных списков, описания помещений, отведенных посланникам, приемов, трапез и, конечно, официальных переговоров, содержание которых мы привели выше.

Новые сведения о Флоренции, окружающей ее природе, нравах и обычаях флорентийцев сообщает «Роспись дороге» Лихачева и Фомина.

В связи с разговором с Фердинандом II, во время которого последний рассматривал карту Сибири и удивлялся ее богатству пушными зверями, русские посланники записали: «. . а у них никакого зверя нет, потому что места зело гористы, а не лесны, а лес все саженый». Описывая в восхищением сады Флоренции, посланники сделали заметку о климате Италии: «. . а красоту в садах нельзя описати, потому что не бывает у них зимы и снега ни одного месяца».⁶¹

Общее впечатление от Флоренции передано так: «А град безмерно строен, согражден палатами превысокими, а столпов превысоких сажен по пятьдесят и больше, во Флоренске, с шесть». Обратили внимание русские дипломаты и на флорентийскую цитадель: «Да близь Флоренска же, от княжова двора, на высокой горе сделан городок небольшой, только крепок безмерно, и караул беспрестанно с ружьем».⁶² Очевидно, здесь имелся в виду Бельведер, одна из двух флорентийских цитаделей, расположенная на самой высокой точке Флоренции.

Об обычаях флорентийцев записано: «А извычай у жителей таков: мужи и жены честные и дети ходят все в скуратах, сиречь в личинах всяких цветов; а у жен сосцы голы, и на головах нет ничего». Непонятное на первый взгляд указание на ношение флорентийцами «личин» удачно объяснил, как нам кажется, А. Чертков, предположивший, что Лихачев и Фомина побывали во Флоренции во время карнавала, когда ее жители ходили в карнавальных костюмах и масках.⁶³

Любопытно описание «игры» на рынке, на которой присутствовал великий герцог с семьей и которую по его приглашению посетили московские посланники: в игре участвовало «с четыреста человек изрядных молодцев и легких, а играли, мячем бросали, которая страна перемечет».⁶⁴ По мнению А. Черткова, описанная русскими дипломатами игра — это *giuoco del calcio*, когда молодые флорентийцы, дворяне и военные, разде-

⁶⁰ ПДСДР. Т. 10. С. 589—593, 599—600.

⁶¹ ДРВ. Ч. 4. С. 351—353.

⁶² Там же. С. 347.

⁶³ Там же. С. 347—348; Чертков А. Описание посольства. . . С. 330—331.

⁶⁴ ДРВ. Ч. 4. С. 350—351.

лялись на два отряда и старались по очереди перебросить шар за назначенную черту.⁶⁵

Самое интересное место раздела «Росписи дороге» Лихачева и Фомина, повествующего об их пребывании во Флоренции, составляет, пожалуй, описание театральных представлений. Отрывок текста, им посвященный, носит заголовок «О комидиях». Начинается он так: «Князь (великий герцог. — *Н. К.*) приказал играть: объявились палаты, и быв палата и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилось море, колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а вверху палаты небо, а на облаках сидят люди и почали облака и с людьми на низ опущаться, подхвата с земли человека под руки, опять в верх же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись в верх, за теми, на небо. Да спущался с неба ж на облаке сед человек в корете, да против его в другой корете прекрасная девица, а аргомачки под коретами как быть живы, ногами подрягивают: а князь сказал, что одно — солнце, а другое — месяц». В таком же стиле выдержано описание других «перемен» — очевидно, действий — «игры», т. е. театрального представления, которое смотрели московские посланники.⁶⁶ Свое внимание они сосредоточили на внешней, зрительно воспринимаемой стороне спектакля и точно описали смену декораций, перемещения действующих лиц, осуществляемые, очевидно, в ряде случаев (например, по вертикали) при помощи машин. В содержании спектакля посланцы далекой Москвы, не знающие итальянского языка, разобраться, конечно, не могли, но из их рассказа следует, что ставившаяся пьеса была светского, вероятнее всего, мифологического содержания.

Обратный путь на родину посланники по совету великого герцога совершили через Папскую область (г. Болонью), герцогства Моденское и Пармское, принадлежащий Испании Милан, «вольные города» Швейцарии до Базеля, оттуда по Рейну через земли, принадлежащие императору и германским князьям, в Голландию. Из Амстердама выехали на кораблях 20 апреля, в начале июня приехали в Архангельск, оттуда направились к Вологде и выехали из нее в Москву 13 июля 1660 г.

Как и все аналогичные записи статейных списков, рассказ статейного списка Лихачева и Фомина об их путешествии по Европе знакомил с ее политической картой и природными особенностями некоторых районов. Отметим впервые сделанное русскими путешественниками описание природы Швейцарии с ее озерами, горами, снежными перевалами.⁶⁷ Специально описывается переход через «великую снежную гору Сангутар» (Сен-Готард). В «Росписи дороге» к описанию этого перехода добавлена колоритная деталь: грамоту великого герцога Алексею Михайловичу и статейный список во время перехода через Сен-Готард несли подъячие, «для того, что лошадей со вьюками, как ветр велик, бросает в глубокие пропасти».⁶⁸

Из известий последней части «Росписи дороге», повествующей о возвращении посольства Лихачева—Фомина на родину, интересны сведения об Амстердаме. «А город весь стоит на морской воде, на губе, а матерой земли под градом нет ни сколько: инде бывала корабленная пристань, а ныне тут стоят полаты» — так рассказали московские дипломаты об одном из моментов наступления голландцев на море — расширению Амстердама за счет земли, отвоеванной у моря. Большое впечатление на русских посланников произвела система общественного призрения, существовавшая в Амстердаме: училище для сирот мужского пола, дом для девиц, дом для женщин, обитатели которых, получавшие пищу и одежду

⁶⁵ Чертков А. Описание посольства... С. 334.

⁶⁶ ДРВ. Ч. 4. С. 350—351.

⁶⁷ ПДСДР. Т. 10. Стб. 634—635.

⁶⁸ ДРВ. Ч. 4. С. 356.

от бургомистров и торговых людей, должны были заниматься работой («рукоделием») — «кто что умеет»;⁶⁹ отдельно от указанных домов существовала богадельня «великая каменная».⁷⁰

Поскольку посольство Лихачева и Фомина было первым специальным русским посольством в Великое герцогство Тосканское, постольку, очевидно, посланники постарались собрать сведения о нем. Как всегда, это были в первую очередь интересовавшие Посольский приказ сведения о внешней политике и международном положении, но наряду с этим и другие данные, характеризующие государство, с которым русское правительство впервые вступало в дипломатические контакты.

Находясь во Флоренции, Лихачев и Фомин расспрашивали приставленного к ним переводчика о происходившей между Венецией и Турцией войне, о позиции великого герцога («грандуки») в этой войне: оказывал ли он помощь Венеции и какую именно; о его взаимоотношениях с соседними («окрестными») государствами — с какими он находится в ссылке и дружбе и с какими в недружбе; о военных силах герцога: «... сколько его, княжова, войска в собранье у него бывает». Со слов переводчика русские посланники записали, что главной ареной военных действий между Венецией и Турцией является принадлежавший Венеции остров Крит («Кандия»), значительную часть которого турки захватили; венецианцам, стремившимся возвратить свои владения, оказывают помощь римский папа и великий герцог Тосканский. У великого герцога нет никакого «недруга», кроме турецкого султана, и войны он ни с кем не ведет. В случае необходимости он может собрать 8—9 тысяч воинских людей.⁷¹

Следующее русское посольство было направлено в Италию в 1663 г. Решение о нем Алексей Михайлович принял в 1662 г.: 30 мая этого года последовал царский указ об отправлении во Флоренцию в качестве послов находившихся в посольстве в Англии заместителя Курмышского Ивана Желябужского и дьяка Ивана Давыдова; 4 сентября в Пскове была получена из Посольского приказа грамота с распоряжением послам ехать из Флоренции в Венецию, а из Англии послать «перед собою» гонца Игнатия Башмаковского во Флоренцию и оттуда в Венецию.⁷²

Послы имели к великому герцогу Тосканскому, как это следует из записи переговоров, которые они вели во Флоренции, два поручения: 1) выяснить, почему из Флоренции до сих пор не последовало в Москву ответное посольство, 2) договориться об условиях взаимной торговли между Русским государством и Тосканой.

На первый вопрос великий герцог Фердинанд II ответил, что посольство в Москву до сих пор не отправлено, так как из-за войны царя с польским королем путь труден; когда же послы заметили, что путь есть «и опричь Польской земли», великий герцог объяснил промедление недавней свадьбой сына и заверил послов, что желаемое московским царем посольство теперь будет послано.

Во время обсуждения второго вопроса послы говорили, что царь разрешил подданным герцога свободную торговлю в Архангельске и пропуск в другие города, предоставил право пребывания в Москве двум-трем тосканским купцам, указал взимать с тосканцев такую же пошлину, как и с других иноземцев, а товары для «обихода» герцога закупать беспошлинно; со своей стороны царь желал, чтобы его подданные, торговые люди, могли свободно торговать во владениях герцога, а для «обихода»

⁶⁹ Возможно, что русским дипломатам показывали так называемые работные дома, немощные обитатели которых своей работой (как правило, в очень тяжелых условиях) должны были окупать затрачиваемые на них средства. Родиной «работных людей» наряду с Англией была и Голландия.

⁷⁰ Там же. С. 358—359.

⁷¹ ПДСДР. Т. 10. Стб. 666—670.

⁷² Там же. Стб. 671—673.

царя покупать товары беспошлинно, «прямою ценою». На это великий герцог ответил, что он будет отпускать своих подданных в Архангельск «без опасения» и что он уже приказал властям Ливорно всячески оберегать русских торговых людей в случае их приезда.⁷³

Поручения, данные царем Желябужскому и Давыдову в Венецию, также касались преимущественно вопросов торговли. Послы должны были известить нового венецианского дожа Доменико Контарини («князя Доминика») о желании царя быть с ним «в дружбе и любви», разрешении венецианцам торговли в Архангельске на тех же условиях, что и другим иноземцам, просьбе царя предоставить его подданным в Венеции «торг поволной», а «узорочные товары» для царя покупать беспошлинно. Затронули послы во время переговоров с дожем и животрепещущий для Венеции турецкий вопрос: они осведомились от имени царя об отношениях венецианцев с турецким султаном — «в покое ль или войне живете?» — и передали пожелание о даровании им победы над «басурманами». В ответе правительства Венеции, изложенном письменно, а также во время прощальной аудиенции выразилось намерение с московским царем «быть на веки в дружбе и в любви», пожелание о разрешении купцам каждого из государств беспошлинной торговли в другом, чувство радости, которое охватило бы венецианцев, если бы царь «мечь свой поднял на басурмана, на турка».⁷⁴

Из Англии в Италию Желябужский и Давыдов направились через Францию. Переправившись на корабле через Ламанш, они 10 февраля 1663 г. высадились в Кале и после заезда в Париж отправились в Лион, а оттуда вниз по Роне и далее по Средиземному морю — в Ливорно, держась по возможности, из страха перед турецкими кораблями, близ берега. 8 апреля буря прибила судно послов к Генуе («Генед»). Трудности морского путешествия и боязнь турок побудили русских послов отказаться от первоначального намерения ехать в Ливорно; они просили «князя» Генуи (имеется в виду, очевидно, дож — глава Генуэзской республики) об оказании им помощи в проезде в Тоскану сухим путем. «Князь» Генуи посоветовал трудный участок пути через горы протяженностью в 60 миль объехать по морю, для чего предоставил послам галеру, а для дальнейшего проезда до владений «маского князя» (герцога Массы) дал подводы. За Масским герцогством русское посольство вступило на территорию Тосканы и через Пизу, Эмполь («Инполь») 16 апреля прибыло во Флоренцию. Во Флоренции послы пробыли 10 дней и затем по уже знакомому для русских посольств маршруту — через Болонью — направились в Венецию. В Венеции Желябужский и Давыдов провели две недели. Во время обратного путешествия на родину они повторили маршрут посольства Лихачева и Фомина — через Пармское герцогство в Швейцарию до Базеля и оттуда вниз по Рейну через Германию в Голландию. Корабль с русским посольством из Амстердама отплыл 28 июня и прибыл в Ригу 20 июля. 30 июля 1663 г. послы были в Пскове.

Статейный список Желябужского и Давыдова беднее путевыми впечатлениями, нежели статейные списки посольств Чемоданова—Посникова и Лихачева—Фомина (не говоря уже о составленных во время этих посольств «Росписей дорог»). Это обстоятельство представляется странным, так как если Чемоданов и Лихачев ничем не известны, кроме их поездок в Италию, то И. Желябужский не только неоднократно выполнял дипломатические поручения в разные страны, но занимался и литературной деятельностью: его дневник, охватывающий период с 1628 по 1709 г., занимает значительное место в мемуарной литературе конца

⁷³ Там же. Стб. 723—735.

⁷⁴ Там же. Стб. 765—770.

XVII—начала XVIII в.⁷⁵ Относительная бедность путевыми впечатлениями статейного списка посольства Желябужского и Давыдова в Италию объясняется, может быть, тем, что запись своих впечатлений они сосредоточили в «Росписи дороге», которая до нас не дошла. Тем не менее их статейный список дает ряд новых известий о западноевропейских странах, через которые проезжали послы.

Новыми были известия о географической и политической карте (названия государств, населенных пунктов, рек) южной Франции и северо-западных итальянских княжеств, через которые впервые пролегал путь русских людей. Записи о конфликтах во время проезда через Францию русских послов с представителями местных властей и королевскими чиновниками в связи с требованием уплаты пошлин с «рухляди» (имущества) посольства впервые в русской письменности дают сведения о системе откупов, процветавшей во Франции.⁷⁶

Дополнительно к описаниям достопримечательностей Флоренции, имевшимся в материалах двух предшествующих посольств, Желябужский и Давыдов дали описания больницы, строящейся церкви — усыпальницы великих герцогов Тосканских, зверинца и флорентийской крепости.

Особенно большое впечатление произвела на русских послов больница для «бесприютных» людей: «. . . и болничной двор учинен велик, — шисали они, — и построено много полат, а в полатах кроватей и постель много — всякому болному особая кровать и пища изобилная, и люди приставлены кому за ними ходить и покоить; а которые больные приличны к лекарству, и на том дворе и обтека (аптека. — *Н. К.*) болшая, и дохтуры лечат тех больных, и поят и кормят всех безденежно; средства на содержание больницы поступали, как пояснил пристав, по завещаниям умерших, пожертвованиям («а иные живые дают по обещанию») и из казны великого герцога.⁷⁷ Несомненно, что Желябужский и Давыдов посетили госпиталь Santa Maria Nuova (основан в 1283 г.), который был описан русскими людьми впервые за два столетия до того — во время пребывания во Флоренции в 1439 г. русского церковного посольства, участвовавшего в работе Флорентийского собора.⁷⁸

Когда послы ехали в зверинец («звериной двор»), пристав обратил их внимание на строящуюся церковь, в которой будут лежать преставившиеся великие герцоги Тосканские (останки их пока находились в «старом костеле»); строительство новой усыпальницы великих герцогов, по словам пристава, продвигалось медленно, так как внутри она отделялась мрамором («аспидом»), покрывавшимся сложной резьбой.

Подробно послы описали флорентийскую цитадель: «. . . и тот городок каменной, кладен каменем диким, около городка ров и поделаны роскаты,⁷⁹ на роскатах пушки и ворота, под роскатом вал; а в городке поделаны анбары каменные болшия, а в анбарех латы многие конных и пеших людей, и карабины, и мушкеты, а в иных лядунки, а бонделеры, и свинец, и порох, и пулки литые в ящиках построены, и заступов, и топов, и кирок много; в иных анбарех многие пушки, все стоят в станках на колесах, и ядер пушечных много и покладено стройно; а изнутри к стене городской присыпан вал земляной».⁸⁰ Это описание давало представление не только о конкретной флорентийской цитадели, но и о крепостном строительстве и вооружении западноевропейских войск вообще.

⁷⁵ Б р и к н е р А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. С. 28. — Дневник И. Желябужского см.: Са х а р о в И. П. Записки русских людей. СПб., 1841.

⁷⁶ ПДСДР. Т. 10. Стб. 680—696.

⁷⁷ Там же. Стб. 729.

⁷⁸ К а з а к о в а Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор 1437—1440 гг.» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 67.

⁷⁹ Раскат — плоское место или помост у вала или стены крепости, на который ставились пушки.

⁸⁰ ПДСДР. Т. 10. Стб. 735—736, 738.

Из записей, внесенных в статейный список Желябужского—Давыдова во время проезда их через Германию и Голландию, отметим любопытный рассказ о разговоре послов с майнцским курфюрстом. Осматривая в Майнце («Меце») сад курфюрста, послы обратили внимание на то, что деревья в нем «не велики ростом», и спросили, чем это объясняется. Курфюрст ответил, что сад был «заведен» давно, при прежних курфюрстах, и деревья в нем были большие, но когда городом владели шведы и французы, то сад пришел в полное разорение; далее курфюрст добавил, что шведы овладели городом во время войны с императором, а после того как город был освобожден от шведов, его заняли французы, также воевавшие с императором; после же освобождения Майнца из-под власти французов, что случилось лет семнадцать назад, сад пришлось «заводить» заново; поэтому деревья в нем небольшие.⁸¹ Так в связи с разговором о саде курфюрста в статейный список Желябужского—Давыдова оказались внесенными сведения о Тридцатилетней войне, происходившей на территории Германии и сопровождавшейся ее разорением (в частности, большому разорению подвергся Майнц).

Раздела о внешнеполитическом положении Великого герцогства Тосканского и Венецианской республики, а в связи с этим и о международных отношениях в статейном списке Желябужского и Давыдова нет. Нет его, как мы помним, и в статейном списке Чемоданова и Посникова. Сведения о внешнеполитическом положении Великого герцогства Тосканского имеются лишь в статейном списке Лихачева и Фомина, но они там присутствуют не в качестве особого обобщающего раздела, а включены в запись разговора посланников с приставом во время их путешествия по Италии. В этой связи отметим, что в статейных списках всех трех посольств в наказах, вручаемых послам перед их отъездом из Москвы, отсутствует предписание «проведывать» о взаимоотношениях правительств, к которым они посылались, с монархами и правительствами других стран. Несомненно, что отсутствие этого предписания в интересующих нас статейных списках обусловило и отсутствие в них специального раздела о международных отношениях.⁸² Труднее дать ответ на вопрос, почему названное предписание не было включено в указы всем трем посольствам, побывавшим в Италии. Нам кажется, что это обстоятельство определялось сравнительно скромным положением Венецианской республики и Великого герцогства Тосканского в системе европейских государств и их опять-таки относительно скромной ролью в общеевропейских делах. В силу этого оба государства интересовали московское правительство не как политические силы, способные влиять на международные отношения в Европе, а лишь как торговые партнеры. Это обстоятельство отразилось как на содержании наказов послам, так и на содержании статейных списков в целом.

Отметим, что и Русское государство интересовало Великое герцогство Тосканское тоже как торговый партнер. Интересы Венецианской республики в отношении Русского государства были шире: они носили не только экономический, но и политический характер. Наряду со стремлением получить для венецианцев разрешение на торговлю в Русском государстве правительство Светлейшей республики прилагало усилия к тому, чтобы склонить московского царя к войне с турками. Оба аспекта политики итальянских государств в отношении России запечатлены в статейных списках.

Помимо взаимоотношений с Русским государством статейные списки отразили еще одно направление внешней политики итальянских госу-

⁸¹ Там же. Стб. 783—784.

⁸² Отдельные известия о внешнеполитическом положении Великого герцогства Тосканского в статейном списке Лихачева и Фомина появились, вероятно, в результате личной инициативы послов, интересовавшихся страной, куда впервые было направлено официальное русское посольство.

дарств — борьбу с турецкой агрессией. Турецкое наступление в Средиземноморье затрагивало в основном венецианские владения, и поэтому главная тяжесть борьбы с турками падала на Венецию. Ей оказывали помощь, согласно известиям статейных списков, римский папа и великий герцог Тосканский.

Встречаются в статейных списках и отдельные экскурсии в международные отношения прошлого: события четвертого крестового похода, в связи с участием в нем венецианцев, и Тридцатилетней войны. Но эти экскурсии носят случайный характер.

Рассматриваемые статейные списки содержат отдельные сведения о политическом строе государств, в которых побывали русские послы. Хотя эти сведения были именно отдельными и попадали они в статейные списки лишь в связи с отчетом о дипломатических переговорах, приемах, тем не менее некоторое представление обо всем этом они давали. Великое герцогство Тосканское рисуется как монархия, возглавляемая обладавшим всей полнотой власти великим герцогом. Монархиями были и другие государства, через которые проезжали московские посольства, что следует из наименований их правителей князьями, курфюрстами. Совершенно по-иному обрисован образ правления в Венецианском государстве. Хотя дож, так же как и главы других итальянских государств, назван князем, тем не менее республиканский строй Венеции отчетливо проступает и в указании на выборность «великих людей», т. е. членов Большого Совета, и в самом названии «Речь Посполитая», применяемом, как мы уже говорили, русскими дипломатами к Венецианскому государству.⁸³ Правительство Нидерландов совершенно точно названо Штатами; из изложения переговоров послов с бургомистрами Амстердама явствует, что последний, так же как и некоторые другие города, в которых побывали московские послы (например, «вольные» города Швейцарии), обладал самоуправлением.

Читающиеся в статейных списках подробные описания приемов и трапез, которые устраивались в честь русских послов во Флоренции и Венеции, знакомят с церемониалом, существовавшим при дворе великих герцогов Тосканских и у высших властей Венеции.

Экономика стран, в которых побывали русские послы, и в первую очередь Италии, в интересующих нас статейных списках нашла незначительное отражение. Как правило, русские дипломаты обращали внимание на торговое значение портовых городов, являвшихся центрами внешней торговли, — Ливорно, Венеции. Упоминается Малага как экспортер вина. Из ремесленных производств отмечены стеклодувное производство в Венеции и изготовление сосудов из благородных металлов и оружия в Аугсбурге.

Как в записках почти всех путешественников, в путевых впечатлениях московских дипломатов, внесенных в их статейные списки, преобладают описания внешнего вида городов, различных достопримечательностей, особенностей природы.

Статьейные списки рисуют картины морской стихии, гористый ландшафт Италии, покрытые вечным снегом вершины швейцарских Альп. Они знакомят с путями сообщений, существовавшими в Западной Европе (в том числе и каналами), применявшимися транспортными средствами (морские и речные суда, различные виды конного транспорта, использование в Италии ослов для переезда через труднопроходимые горы, использование конной тяги в Голландии для транспортировки судов по каналам).

Авторы статейных списков подчеркивают красоту зданий западных городов («градское строение зело стройно»), обязательно обращают внимание на их укрепления. Особое место уделяется Венеции, облик которой

⁸³ Речь посполитая — польская форма слова «республика».

всегда поражал русских путешественников, а также прорезанному каналами Амстердаму.

Довольно много внимания отводится садово-парковому искусству. Попали на листы статейных списков и описания скульптур, иногда очень детальные, как, например, описание скульптурной группы «Четыре мавра» в Ливорно. Произведения живописи не упоминаются: очевидно, для русских людей того времени они были менее доходчивы, чем памятники скульптуры.

Весьма любопытны, как мы уже отмечали, записи о театральных представлениях, читающиеся в «Росписи дороге» Лихачева и Фомина. Сравнение их с описанием мистерий, которые русские участники Флорентийского собора наблюдали более двух столетий назад в церквях Флоренции,⁸⁴ показывает сдвиг, происшедший в развитии театрального искусства Запада за два столетия (от мистерий к «комедиям»), и сдвиг в мировоззрении русских людей: в записях Лихачева и Фомина нет ни тени осуждения спектакля чисто светского содержания. И это естественно: немного более чем через десятилетие после путешествия Лихачева и Фомина в Москве при дворе Алексея Михайловича начнет действовать собственный театр, ставивший пьесы как на библейские сюжеты, так и на светские.⁸⁵

Сообщая о различных виденных за рубежом достопримечательностях, русские послы в Италии порой знакомят с достижениями западноевропейской науки; таково, например, описание глобуса, который им показали во Флоренции.

Статейные списки русских послов в Италию середины XVII в. содержали меньше известий о международных отношениях и политическом положении в странах Западной Европы, нежели статейные списки их коллег в другие страны, но они были богаче сведениями о западноевропейской культуре, — точнее, о культуре Италии.

⁸⁴ Казакова Н. А. 1) Исхождение Авраамия Суздальского // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33; 2) Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980. С. 55—63.

⁸⁵ Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 139.